

ПУБЛИЧНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ О СЕКСУАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ В РОССИЙСКИХ МЕДИА

Юлия Викторовна Кузьмина (yukuzmina@eu.spb.ru)

Европейский университет в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Кузьмина Ю.В. (2020) Публичные высказывания о сексуальном образовании в российских медиа. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 23(3): 122–152. <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.3.6>

Аннотация. Цель статьи — изучение публичных высказываний о сексуальном образовании в России. На материале сообщений в российских медиа за 2008–2018 гг. рассматривается, как в интерпретациях сексуального образования и сексуальности проявляются различные институты социального контроля. При помощи метода структурно-тематического моделирования сформированы кластеры тем, наиболее часто встречающихся в сообщениях о сексуальном образовании. Проведенный анализ позволяет указать основные институты социального контроля, в контексте которых говорится о сексуальном образовании: политические институты, связанные с регуляторным воздействием; правовые институты; семья, которая связывается с контекстом трансформации интимной жизни; медицина, которая срачивается с пронаталистскими интересами и представляет собой иллюстрацию государственного неотрадиционализма; церковь, которая в медиадискурсе является связующим звеном для медицины, политических и правовых институтов. Среди обнаруженных кластеров нет отдельной темы, связанной с романтическим режимом сексуальности, где сексуальность и сексуальное образование понимались бы в контексте проявления любви. Метод анализа не позволил выявить «либеральную оппозицию» неотрадиционализма — судя по наиболее типичным сообщениям в каждой теме, а также по наиболее частотным словам, полученные темы скорее вписываются в неотрадиционалистский дискурс.

Ключевые слова: сексуальное образование, медиа дискурс, гендерный порядок, режимы сексуальности, неотрадиционализм, структурно-тематическое моделирование.

Введение

Вопросы, связанные с сексуальностью, — одни из самых дебатированных в современных обществах. С одной стороны, в рамках модернизации гендерных отношений происходит расширение границ сексуальной нормы, признаются идентичности и права представителей LGBTQIA сообщества, развивается движение против сексуальной эксплуатации женщин. С другой стороны, во многих странах (в том числе в России) наблюдается «консервативный откат» — провозглашается возврат к традиционным

ценностям в качестве реакции на либерализацию. Исследователи указывают на существование в современных западных обществах антигендерного движения, которое направлено против гендерной теории и ее проявлений в школах, в частности в виде сексуального образования, способствующего сексуализации детей и «промыванию мозгов» (Kuhar, Zobec 2017).

В статье я фокусируюсь на одном из аспектов исследования сексуальности — вопросах сексуального образования. Под сексуальным образованием я понимаю процесс передачи знаний о сексуальности и репродуктивном здоровье. Институционализированное сексуальное образование — признак модерности, отражающий рост рационализации общественной жизни и значения экспертного знания для регулирования вопросов интимности. Если традиционным источником контроля над интимной сферой был институт семьи и также была значима роль религиозных институтов, то в модерную эпоху все более значимым становится социальный контроль со стороны профессионалов, в первую очередь врачей (Zola 1972). Так, одним из важных акторов, транслирующих представления о сексуальности, становится Всемирная организация здравоохранения. В своих отчетах она указывает на необходимость соблюдения сексуальных прав, которые определяются как право на выражение сексуальности и право на сексуальное здоровье, в качестве одного из пунктов реализации этих прав говорится о праве на информацию и образование (WHO 2010).

Однако сексуальное образование остается предметом публичной и академической дискуссии (Zimmerman 2015: 21). Это точка пересечения нескольких дебатов: во-первых, уже упоминавшейся дискуссии о гендерной модернизации или, напротив, возврата к традиционализму; во-вторых, помелика о сексуальном гражданстве несовершеннолетних. Представления о сексуальном образовании в современных обществах неоднородны: к концу XX в. и в начале XXI в., когда большинство стран уже имели в школьном учебном плане занятия, связанные с сексуальным образованием, споры о необходимости и содержании таких занятий продолжаются (Kendall 2013). Эта неоднородность отражает особенности гендерного порядка и сексуального гражданства в конкретном обществе.

В России не существовало и не существует формальных уроков сексуального образования в школе. В позднесоветский период в России знания о сексуальности транслировались через практику, группы сверстников, репрезентации в искусстве и фольклор (Rotkirch 2000). Позднесоветский дискурс был основан на представлениях о нравственности, воздержании, защите от чуждых «развращающих» идеологий, конструировании традиционных гендерных различий (Темкина 2009).

Дискуссия о сексуальном образовании представляет собой конкуренцию различных институтов за власть над подростковой сексуальностью, знание о ней и контроль подростковой сексуальности. Цель статьи — изучение публичных высказываний о сексуальном образовании в России. Это позволит очертить контуры разных позиций по данному вопросу. В публичных высказываниях встречаются разные интерпретации сексуального образования и сексуальности, эти феномены оказываются связаны с разными институтами социального контроля, а обсуждение их актуализируется или затухает в зависимости от происходящих в обществе событий. Исследовательский вопрос звучит следующим образом: как в СМИ меняется дискурс о сексуальном образовании?

Диахронический срез сообщений в СМИ за 2008–2018 гг. позволит определить, как менялись позиции по отношению к сексуальному образованию, какие из них пропадали, а какие появлялись в разные моменты времени. Изучение медиадискурса о сексуальном образовании позволит сделать выводы о существующих в российском обществе формах нео-традиционализма и особенностях организации гендерного порядка.

Сексуальность и гендерный порядок

Вопросы сексуальности относятся к интимной сфере жизни людей, однако при этом сексуальность производится и контролируется социально. Это противоречие, сложный баланс между личным и политическим измерениями сексуальности, лежит в основе социологических, особенно феминистских исследований сексуальности. Эти исследования посвящены тому, как идентичности, практики и опыты, относящиеся к сексуальности, производятся под влиянием различных форм знания, производных от инстанций социального контроля.

Для Мишеля Фуко сексуальность предстает как культурный феномен и объект властного воздействия: «Дело секса — его свободы, но также и знания, которое о нем получают, и права о нем говорить — оказываются по праву связанным с честью политического дела» (Foucault 1990: 103). Экспертное знание предстает в качестве формы дисциплинирования и контроля над людьми. Разделение на категории дозволенного и недозволенного, а также медиализация сексуальности являются признаком того, что власть (дисперсионная и распространенная в каждом аспекте социальной жизни) берет на себя обязательство входить в соприкосновение с телами. Контроль сексуальности, по мнению Фуко, является элементом биовласти, которая представляет собой власть/знание о жизненных циклах и репродуктивных процессах индивидуальных и социальных тел (Фуко 2011). Тело — арена, на которой разворачивается действие знания/

власти и которая принадлежит не только государству, но и экспертам и институтам, уполномоченным поддерживать порядок.

Идеи Фуко развивает и Р. Коннелл в рамках структурно-конструктивистского подхода к анализу гендерных отношений (Connell 1987). Для описания структурного уровня гендерных отношений используется категория гендерного порядка. Гендерный порядок представляется социальной структурой и представляет собой исторически сконструированный паттерн властных отношений между мужчинами и женщинами (Connell 1987: 98–99). Характеристикой гендерного порядка является его незавершенность, что дает возможности для вариации и изменения в практиках, а значит, возможности для изменения структуры.

Для анализа структурной динамики гендерных отношений Коннелл выделяет способы упорядочения социальных отношений — труд, власть, катексис и символические репрезентации. Разделение труда содержит в себе распределение видов работ среди разных категорий людей и ограничения для практик, а модель власти включает в себя выстраивание иерархий и централизацию власти, контроля и принуждения внутри основных гендерных категорий. Катексис, в свою очередь, включает в себя конструирование сексуальности, объектов желания, а также правил и ограничений, существующих в этой сфере. Вслед за Фуко Коннелл отмечает тесное переплетение современных форм знания (медицины, сексологии) и форм социального контроля (Connell 1995).

Власть проявляется в навязывании порядка: в качестве примера Коннелл называет семейную политику, которую проводит государство, а также газеты, которые становятся своего рода «гендерными идеологами», причем в капиталистических обществах в этой роли они обгоняют даже церковь (Connell 1987: 108). Структура катексиса же представляет собой конструирование сексуальности, формирование различий и паттернов желания. Таким образом, рассмотрение сексуальной сферы в гендерной перспективе невозможно вне рассмотрения структуры власти и катексиса в их взаимодействии.

Гендерные отношения присутствуют во всех типах социальных институтов и представляют собой гендерный режим (Connell 1987: 120). Рассмотрение гендерного измерения на уровне институтов необходимо для понимания того, как происходит институционализация гендера: «Гендер институционализирован в той мере, в какой сеть связей с системой воспроизводства формируется циклическими практиками» (Connell 1987: 141). Отсюда следует, что гендер как социальная структура формируется на уровне институтов и воспроизводится в практиках, а значит, гендерный порядок будет принципиально гомогенным и монолитным (например,

патриархальным) лишь в той степени, в какой социальное воспроизводство будет обеспечивать одинаковость практик. Гендерные режимы в разных институтах могут противоречить друг другу, что подрывает представление о гомогенности структуры.

Сексуальное образование представляет собой социальный институт, который воплощает в себе притязания на контроль подростковой сексуальности. Даже в российских условиях, когда не существует формальных уроков сексуального образования, знания о сексуальности есть, а значит, существуют и институты социального контроля, которые претендуют на обладание властью/знанием о сексуальности. Таким образом, если использовать аналитическую модель Коннелл, то сексуальное образование в России можно концептуализировать следующим образом: существуют различные социальные институты, которые могут включать в себя противоположные циклы (практики, воспроизводящие разные гендерные режимы). Эти институты конкурируют между собой за власть/знание в отношении сексуальности и сексуального образования. Взаимодействие этих институтов в вопросе контроля сексуальности будет иллюстрировать гендерный порядок в России.

Еще одной категорией, значимой для изучения гендера и сексуальности с позиций структурно-конструктивистского подхода, выступает категория «режим сексуальности». Режим сексуальности — конфигурации повседневных и публичных дискурсов, связанных с интерпретацией сексуальности, включающей в себя способы организации сексуальных отношений, т.е. условий, предписаний и ограничений, а также практических действий агентов (Здравомыслова, Темкина 2004). Например, режим сексуальности, основанный на риске, рассматривает сексуальность как причину социальных болезней — проституции, деградации, «морального разложения», а романтический режим сексуальности будет определять сексуальность как следствие и выражение любви, которая, в свою очередь, является средством индивидуализации, выбора и самовыражения (Giddens 1992).

Исследователи подчеркивают, что режим сексуальности в обществе модерна подвергается значительным изменениям. Трансформации в сфере сексуальности, которые заключаются в отделении последней от функции воспроизводства (Гидденс 2004), обуславливаются тенденциями индивидуализации, характерными для общества риска (Бек 2000). «Освобождение» индивида от традиционных связей, направляющих его жизненный путь, приводит к ощущению уязвимости, а также к стремлению минимизировать риск в социальных отношениях, в том числе в семейных и брачных. Любовь как одна из сторон дискуссии о сексуальности также попадает под эту тенденцию и связывается с крупными ожиданиями и фру-

страцией, становится новым центром детрадиционализированной жизни индивидов (Beck, Beck-Gernsheim 1995: 3). Исследователи, кроме того, указывают на пересечение романтических отношений и коммерческой сферы — коммерциализации любви (Ilouz 1997; Hochschild 2012).

Приведенные эмпирические факты иллюстрируют трансформации в сексуальной сфере как на уровне практик, так и на уровне структуры. Как следствие этих трансформаций, гендер, будучи структурой, которая создается в практиках, сам становится объектом практики. Рефлексия по поводу гендера проявляется в том, что сексуальные практики и дискурсы все более диверсифицируются. Сексуальность становится объектом практики, и это проявляется в том, что границы сексуальной нормы, а также вопросы о том, что является сексуальной нормой и кто может осуществлять контроль над этой нормой, проблематизируются. Дискуссии о сексуальном образовании представляют собой сосуществование разных режимов сексуальности, которые конкурируют между собой за контроль и право определения границы нормы подростковой сексуальности.

Итак, существует множество социальных институтов и групп, претендующих на контроль сексуальности, к ним относятся церковь, родительские объединения, школа, органы власти различного уровня и государство в целом, международные организации, политические объединения, медицинские специалисты, феминистские движения и пр. Этим социальным институтам соответствует определенный гендерный режим и режим сексуальности — притязания на контроль сексуальности будут проявляться в том, как в приватном и публичном дискурсе интерпретируется сексуальность. То, какие институты обладают наибольшими ресурсами (в том числе в дискурсивном поле) в отношении контроля сексуальности, будет указывать на модерность или традиционализм гендерного порядка.

Постсоветские трансформации гендерного порядка и режима сексуальности

Исследователи относят советский гендерный порядок к этакратическому: именно государство определяло социальные категории, связанные с гендерными отношениями, а также стимулировало мобилизацию индивидов, которая, с одной стороны, ведет к угнетению, с другой — создает возможности для вписывания в существующий порядок (Здравомыслова, Темкина 2007). Последовавшие крупные политические и экономические изменения — распад Советского Союза, рыночные реформы, становление полиэтничного национального государства — приводят к изменению гендерного порядка: он перестает быть этакратическим. Это значит, что для определения гендерных режимов в различных институтах становится

необходимым формирование новой «идеологии». В этот момент особую роль начинают играть институты и объединения людей, не связанные напрямую с государством — церковь, социальные и политические движения, профессиональные сообщества и пр.

В 1990-е годы гендерная повестка появляется в социальных движениях постсоветских обществ (Sperling 1999). Переходный период в экономической и политической сферах создает условия для возникновения женских движений, появляется возможность для публичных высказываний о дискриминации, сексизме и трудовых правах женщин (Sperling 1999: 257). Обсуждение сексуальности выходит в публичную сферу. Проблематизация сексуальности происходит не только в связи с гендерной повесткой: в публичное обсуждение выходит вопрос о распространении ВИЧ-инфекции и других заболеваний, передающихся половым путем. Меняется режим сексуальности: сексуальность репрезентируется в разнообразных конкурирующих дискурсах (Здравомылова, Темкина 2004).

Режим сексуальности включает в себя как структурные условия, так и уровень практик, которые реализуются в конкретных условиях. От советской «лицемерной» сексуальности (Zdravomyslova 2001) происходит переход к видоизмененным режимам: сохранение режима доминирующей гетеросексуальности с ростом толерантности к сексуальным меньшинствам; усиление гендерной поляризации в условиях неотрадиционалистского дискурса; диверсифицированный брачно-репродуктивный режим; романтический режим, конкурирующий со стратегией рационализации эмоций; коммуникативный режим; усиление рыночного режима; гедонистический режим, который находит свое проявление в медиа и секс-индустрии; режим риска как ядро консервативных дискурсов (Здравомылова, Темкина 2004).

Современное российское общество представляет собой пример неотрадиционалистской гендерной политики (Темкина, Здравомылова 2007). Постсоветские трансформации приводят к формированию нового символического порядка, в котором одновременно существует множество идеологий, включающих, в частности, различные репрезентации мужественности и женственности. Гендерный неотрадиционализм проявляется в идее о восстановлении исконных традиций мужественности и женственности, которые были разрушены и табуированы в советском обществе. Темкина и Здравомылова выделяют две основные традиции гендерного неотрадиционализма — неолиберальный неотрадиционализм и негосударственный неотрадиционализм. Первый вариант — противоречивое сочетание идей равноправия и природного различия полов. Второй вариант апеллирует к необходимости патерналистской политики в отношении

женщин, которые выполняют важную гражданскую функцию — воспроизводство нации.

Консервативный поворот можно проиллюстрировать нормативно-правовыми актами. В 2011 г. были приняты поправки в закон «Об основах охраны здоровья граждан РФ», которые регламентируют порядок прерывания беременности, в частности вводят «неделю тишины». В 2012 г. был принят «закон Димы Яковлева», который ввел запрет на усыновление российских детей гражданами США. В 2012 г. была введена возрастная классификация информационной продукции как следствие принятия в 2010 г. закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». В 2013 г. принята «Концепция семейной политики до 2025 года», которая имеет своей целью «сохранение традиционных семейных ценностей», в том же году вышел закон о запрете «пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений». Тот факт, что законопроект о гендерном равенстве был несколько раз отклонен в процессе рассмотрения Государственной Думой, также довольно четко указывает на официальный дискурс о гендерном и сексуальном гражданстве. Исследователи относят современные инициативы семейной политики к консервативным или даже неоконсервативным (Печерская 2013) и рассматривают их в связи с понятиями «консервативная мобилизация» (Sherstneva 2014) и «гендерный откат» (Temkina, Zdravomyslova 2014).

На консервативный поворот указывает и процесс секьюритизации духовно-моральных ценностей (Østbø 2016). Изначально сам концепт «духовно-моральные ценности» появился в качестве антилиберального аргумента еще в 1990-х и продолжил свое развитие в 2000-х как аргумент в риторике РПЦ и депутатов по вопросам демографии, экстремизма, межэтнических отношений и внешней политики (Østbø 2016: 4–8). Духовно-моральные ценности не только становятся элементом символической политики для привлечения консервативного электората, но и представляют собой инструмент, который используется в официальном дискурсе для создания представления об экзистенциальной угрозе, которая происходит от акторов, нападающих на эти ценности. Этот инструмент наиболее эффективен при подкреплении «победами» — защитой русской нации, как, по мнению исследователя, произошло с аннексией Крыма (Østbø 2016: 13–14).

Сексуальное образование в России

Сексуальное образование — случай, когда не только практика, но и сам термин становится поводом для дебатов. Для обозначения сексуального образования в национальных законодательных и нормативных докумен-

тах, а также в учебных программах могут использоваться различные термины: просвещение по вопросам взаимоотношений и сексуальности, образование в области семейной жизни, основы здорового образа жизни, просвещение по вопросам ВИЧ и пр. Терминологическое многообразие связано с большой вариацией возможных форм и содержания таких учебных программ.

Кроме того, множество терминов для определения сексуального образования может объясняться попыткой оградить его от резкой критики со стороны консервативных сил, так как сексуальное образование является предметом дискуссии о подростковой сексуальности (Zimmerman 2015: 21). Так, в качестве реакции на критику сексуальное образование пряталось под различными названиями еще в 1920-е годы: в Дании это были уроки «материнства» и «морального образования», в Германии уроки назывались «Брак и материнство» и «Социальная гигиена» (Zimmerman 2015: 22).

Помимо государства, свои определения сексуального образования предлагают общественные и межгосударственные организации. Американская общественная организация «Planned Parenthood» дает следующее определение сексуальному образованию: «Сексуальное образование — это обучение, направленное на широкий спектр тем, связанных с сексом и сексуальностью, раскрывающее ценности и механизмы, необходимые для навигации в личных отношениях и управления своим сексуальным здоровьем»*. ЮНЕСКО в своем руководстве по сексуальному образованию указывает на необходимость комплексного сексуального образования (UNESCO 2018). Под этим термином понимается «процесс преподавания и изучения когнитивных, эмоциональных, физических и социальных аспектов сексуальности, основанный на специально разработанной учебной программе» (UNESCO 2018: 16). Ключевой особенностью этой программы является научная обоснованность информации о сексуальности.

В статье я определяю сексуальное образование как институционализованные практики передачи знаний о сексуальности, при этом для меня важна именно институциональная закреплённость этих практик. Вопрос о создании институционализованных практик сексуального образования — это вопрос гендерной политики государства. Сексуальное образование связано с различными характеристиками общества — с религиозным и этническим контекстом, политикой государства в сфере репродуктивного здоровья и пр. Содержание этой учебной программы, формат ее реализации и допустимый возраст детей, которым преподается

---

* <https://www.plannedparenthood.org/learn/for-educators/what-sex-education> (дата обращения: 27.06.2019).

курс, варьируется по всему миру. Даже в странах, где сексуальное образование уже довольно долгое время является частью учебной программы, существуют дискуссии о его необходимости и возможном содержании учебного курса. В этой дискуссии опять проявляются различные социальные институты, претендующие на контроль сексуальности. Например, в США существуют две противоборствующие стратегии сексуального образования — сексуальное образование, построенное на воздержании (*abstinence only*), и всестороннее сексуальное образование (*comprehensive sex education*). В Европе возраст начала преподавания курса сексуального образования, термин, обозначающий сексуальное образование, а также особенности содержания программы варьируются от страны к стране (Parker et al. 2009).

Исследователи указывают на либерализацию сексуальности в постсоветской России (Кон 1997). В частности, это проявляется в попытке институционализации сексуального образования. В 1990-е годы Министерством образования при поддержке ЮНЕСКО был запущен проект по внедрению сексуального образования в нескольких российских городах. Исследователи (Chervyakov, Кон 1997) провели опрос среди школьников 7–9 классов, а также их родителей и учителей, участвовавших в проекте, с целью выяснить их отношение к сексуальному образованию, знания подростков о сфере сексуальности, влияние семьи и школы на моральные ценности и поведенческие паттерны учеников. Это исследование позволило узнать многое о ранее закрытой для нас сфере жизни — знаниях о сексуальности среди подростков и возможных эффектах сексуального образования в российском контексте. Однако мобилизация неоконсервативных сил в виде родительских объединений и РПЦ привела к успешной реализации антисексуальной и антизападной кампаний. Проект сексуального образования был заморожен и не доведен до конца. Для исследования сексуальности и проектов сексуального образования в России настали не самые благоприятные времена.

Позиция государства проявляется по отношению к сексуальному образованию через принятие нормативно-правовых актов и публичные высказывания. Например, в 2013 г. Правительство РФ одобрило принятие Конвенции Совета Европы «О защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений», 6-я статья которой говорит о введении сексуального образования. В 2014 г. Госдума утвердила Конвенцию о правах ребенка ООН, которая предусматривает половое просвещение подростков. Таким образом, это иллюстрирует участие международных объединений в конкуренции за власть над сексуальностью и знание о ней. Вместе с тем позиция самого российского государства проявляется в том,

что, несмотря на принятие конвенций, государство не содействовало институционализации сексуального образования. В апреле 2019 г., выступая в штаб-квартире ООН на сессии Комиссии по народонаселению, представитель от России указал на необходимость учета экономических условий и культурных традиций государств: «В этой связи вновь подчеркиваем, что Россия не связывает себя обязательствами по внедрению в школах или за их пределами т.н. “всеобъемлющего сексуального просвещения” молодых людей»*.

Таким образом, это противоречие указывает на конкуренцию государства и международного сообщества за контроль над сексуальностью. Кроме того, подобные противоречия указывают и на особенности сексуального гражданства — участие международных организаций в обсуждении контроля сексуальности указывает на наднациональную характеристику гражданства, т.е. принадлежность индивида не столько к национальному, сколько к мировому сообществу. Российское государство действует в своих интересах и фреймирует сексуальное гражданство как национальное. Это же объясняет риторику защиты духовно-моральных ценностей для избегания «угрозы нации».

О. Снарская (Снарская 2009) проводит экспертные интервью с лицами, принимающими решения в области семейной политики и репродуктивного здоровья, а также контент-анализ школьных учебников и сообщений в СМИ, и обращается к «нации» как к концепции, которая используется и сторонниками, и противниками внедрения сексуального образования. В то время как первые говорят о «необходимости сделать нацию здоровой», вторые указывают на возможное «разращение нации». Ф. Стелла и Н. Нартова (Stella, Nartova 2015) исследуют связь сексуальности и национализма в современной России. Они рассматривают, как реализуются сексуальные и репродуктивные права, а также прагматические и идеологические базы для их ограничений. Для своего анализа они используют концепцию биовласти Фуко — специфичная для современных национальных государств власть, которая сосредоточена на контроле социальных и биологических процессов на уровне всего населения. Авторы исследуют, как дискурсы о национальном интересе, национальной идентичности и патриотизме создают особенный сексуальный консерватизм как общую ценность, а также особые сексуальные и гендерные нормативы, конструирующие «традиционно русское».

Ряд исследователей занимались изучением дискурсов о сексуальном образовании. Так, П. Мейлахс (Meylakhs 2011) рассматривает российские

---

* <https://news.un.org/ru/story/2019/04/1352351> (дата обращения: 25.06.2019).

СМИ и присутствующие в них дискурсы, посвященные сексуальному образованию. Основной фокус делается на нарративах о риске в концепции Мэри Дуглас: как защитники сексуального образования и их оппоненты конструируют объекты, которые могут подвергнуться риску, какой риск сексуальное образование несет в себе для индивида и общества, какие возможны решения и как конструируется образ оппонента в этой дискуссии.

Однако Мейлахс в своей работе использует только наиболее крупные медиа и получает в результате выводы, которые относятся именно к крупным источникам. Кроме того, в этом исследовании отсутствует гендерное измерение. Стелла и Нартова используют концепцию биовласти Фуко, а значит, рассматривают дискурсивную власть как единую и проникающую во все сферы человеческой жизни. Такое рассмотрение власти как тотальной не дает возможности учесть, что дискурс необязательно будет един, и возможно существование различных дискурсов, которые противостоят друг другу, чтобы зафиксировать свое значение в языке (Laclau, Mouffe 1985).

Исследования, направленные на изучение своего рода генеалогии дискурса о сексуальном образовании, указывают на существование консервативного, либерального и постмодернистского дискурсов (Jones 2011). Однако внутри этого консервативного дискурса также не показана возможная вариативность внутри одного дискурса.

Метод структурно-тематического моделирования (structural topic modeling), который я использую в исследовании, нечасто применяется социальными учеными в сфере гендерных исследований. Тем не менее он представляет собой довольно объективный способ измерения скрытых качеств в больших неструктурированных наборах данных, таких как социальные сети, открытые опросы и новости или исследовательские публикации (Wesslen 2018).

Изучение публичного дискурса о сексуальном образовании позволит очертить границы дискурсивного поля говорения о контроле сексуальности и проследить, какие социальные институты (на дискурсивном уровне) претендуют на знание о сексуальности и власть над ней.

Данные и метод

Для исследования дискуссии о сексуальном образовании в российских СМИ я использовала метод структурно-тематического моделирования. Этот метод позволяет представить текст каждого сообщения в СМИ как набор N тем, которые имеют разную долю в каждом тексте. Модель, получаемая в результате применения данного метода, позволяет определить, какие темы преобладают в текстах, а также какие изменения в долях тем

в текстах происходят в зависимости от даты публикации текста и других переменных.

Для создания корпуса сообщений в российских СМИ, посвященных сексуальному образованию, я использовала «Интегрум» — базу, которая содержит сообщения из федеральных, региональных и местных СМИ. Исследователи используют эту базу как крупнейшую цифровую медиатеку, позволяющую получить сообщения из всех крупных российских информационных агентств, национальных и региональных СМИ (Shirokanova, Silyutina 2018). В полученный корпус текстов включены сообщения, опубликованные лишь в российских СМИ. Для отбора релевантных сообщений я использовала запрос «сексуальное образование или сексуальное просвещение или половое просвещение и школа!п школьник!п урок!п». Такой запрос позволяет составить базу из сообщений, где используются разные варианты: и «сексуальное образование», и «сексуальное просвещение», и «половое просвещение». В полученный корпус попали те сообщения, которые связаны с сексуальным образованием и школой как институтом, где могут быть реализованы практики сексуального образования. Полученная база сообщений имеет ограничение: там не представлены различные интернет-издания, которые имеют свою повестку, однако не включены в базу «Интегрум» (например, «Медуза», «Медиазона», «Спутник и погром» и пр.). База содержит переменные — дата публикации, название СМИ, заголовок статьи, текст статьи, имя автора.

Таким образом, я анализирую сообщения на ограниченном российском медиaprостранстве и медиадискурсе о сексуальном образовании лишь в довольно крупных и официальных источниках. Полученная база содержит сообщения из электронных газет, журналов, сообщений телеканалов и радио, а также сообщений в самых просматриваемых блогах в LiveJournal (сообщения с более чем 500 000 просмотров). База содержит 12 282 сообщения с 2008 по 2018 г.

Динамика появления сообщений волнообразна и, скорее всего, связана с появлением инфоповодов. Тем не менее очевидно, что количество сообщений о сексуальном образовании с 2008 по 2018 г. увеличивается. В базе сообщений за 2008 г. 228 сообщений, за 2018 — 1266 сообщений. Далее я сделала кластеризацию полученных текстовых документов по семантическим признакам. Для этого я использовала метод структурно-тематического моделирования (Roberts et al. 2014). Этот метод позволяет осуществить статистический подход к анализу текстовых данных.

Структурно-тематическое моделирование представляет собой построение модели, которая определяет, к каким темам относится каждый из текстов базы. Каждая тема представляет собой смесь слов, каждому из которых

присваивается значение вероятности того, что слово относится к данной теме. Таким образом, каждое сообщение в СМИ — это смесь различных тем. Особенность этого метода по сравнению, например, с тематическим моделированием методом латентного размещения Дирихле (Blei et al. 2003) заключается в возможности использовать метаданные для построения модели. В данном случае в качестве метаданных используется принадлежность источника к федеральным или нефедеральным СМИ.

Для структурно-тематического моделирования необходимо самостоятельно задать количество тем. Определение количества тем, которые содержатся в базе сообщений, зависит от исследователя. Для определения оптимального количества тем в модели я посчитала показатели удерживаемой вероятности, семантической связности и остатки для моделей на 10, 15, 20, 25 и 30 тем. Согласно полученным параметрам, чем больше тем в модели, тем более она содержательна. Тем не менее модель на 20 тем оказалась наиболее качественной, т.е. темы были определены наиболее четко. В результате я анализирую модель из 20 тем.

Результаты

Модель, полученная в результате, представляет собой набор из 20 тем. На выходе она представляет собой набор из слов, которые с наибольшей вероятностью встречаются в данной теме. На основе этих слов исследователь самостоятельно задает названия для полученных тем. Результаты структурно-тематического моделирования представлены ниже (табл. 1).

Таблица 1

Результаты структурно-тематического моделирования

	Название темы	Слова, которые с наибольшей вероятностью встречаются в теме
1	(Гомо)сексуальность	сексуальный, право, гендерный, страна, европа, гомосексуализм, пол, закон, однополый, против
2	Изменения в мире	общество, женщина, семья, становиться, мир, мужчина, брак, отношение, являться, современный
3	Школа	школа, образование, урок, учитель, класс, предмет, школьный, программа, школьник, воспитание
4	Защита детей от вредной информации	рубль, знак, купить, статья, текст, копирайтинг, ребенок, возраст, поведение, купюра

Продолжение таблицы 1

	Название темы	Слова, которые с наибольшей вероятностью встречаются в теме
5	Политика	русский, россия, народ, страна, война, власть, мировой, становиться, новый, мир
6	Секс	секс, женщина, мужчина, девушка, порно, сексуальный, фото, женский, тело, смотреть
7	Церковь	церковь, православный, религиозный, святой, россия, русский, бог, христианский, духовный, священник
8	Сексуальное воспитание	сексуальный, половой, родитель, секс, отношение, подросток, воспитание, возраст, вопрос, девочка
9	Репродуктивное здоровье и воспроизводство нации	аборт, женщина, беременность, вич, врач, здоровье, россия, половой, страна, медицинский
10	Германия	германия, семья, немецкий, россия, мартенс, урок, родитель, немец, школа, русский
11	Региональная политика	россия, страна, президент, партия, власть, депутат, украина, российский, политика, политический
12	Официальная позиция о сексуальном образовании	книга, детский, литература, автор, толерантность, россиянин, читать, воспитание, просвещение, опрос
13	Ювенальная юстиция	семья, ювенальный, родитель, юстиция, россия, право, система, страна, правый, государство
14	Западные страны и угроза духовно-моральным ценностям	родитель, становиться, проблема, страна, тело, швеция, половой, иметь, германия, каждый
15	Контроль Интернета	интернет, сайт, сеть, компания, услуга, клиент, информация, также, данные, новый
16	Семейная политика	семья, родитель, работа, социальный, развитие, воспитание, образование, программа, организация, учреждение
17	Кино	фильм, режиссер, герой, первый, история, становиться, кино, театр, главный, роль

Окончание таблицы 1

	Название темы	Слова, которые с наибольшей вероятностью встречаются в теме
18	Индивидуальные стратегии	мама, делать, становиться, думать, жить, почему, давать, дело, приходиться, вообще
19	Преступления против несовершеннолетних	преступление, несовершеннолетний, дело, насилие, девочка, сексуальный, летний, случай, уголовный, педофил
20	Законы	право, закон, россия, защита, российский, сексуальный, общественный, законопроект, семья, комитет

Я дала названия полученным темам, опираясь на наиболее частотные слова, представленные в таблице. Также я опиралась на тексты с наибольшим содержанием конкретной темы, согласно модели. Так, тему 4 не просто идентифицировать по ключевым словам «рубль, знак, купить», однако наиболее типичные тексты иллюстрируют тему защиты детей от вредной информации; слова «рубль» и «знак» оказались наиболее типичными для этой темы из-за информационного повода — «депутат обнаружил порнографию на сторублевой купюре».

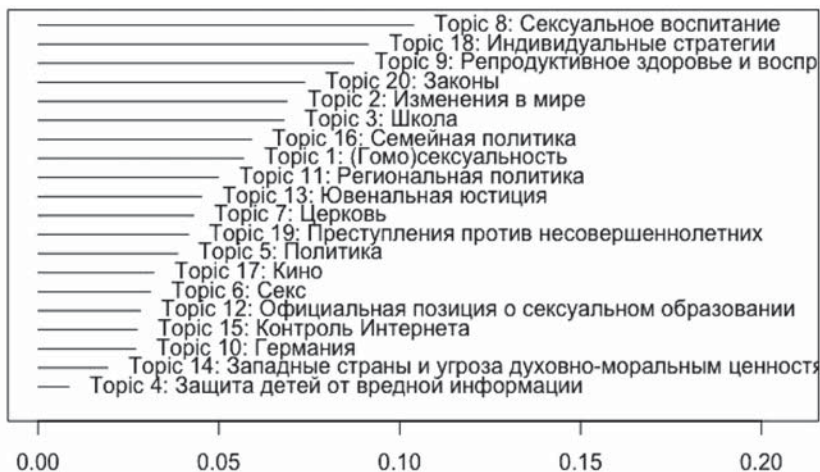

Рис. 1. Распределение тем по их доле в сообщениях

График, представленный на рисунке 1, показывает распределение полученных тем по ожидаемым долям, которые они занимают в текстах. Преобладает тема, посвященная передаче знаний о сексуальности — «Сексуальное воспитание». В сообщениях, где господствует эта тема, о передаче знаний о сексуальности говорится именно как о компетенции семьи:

Воркинг.маме Ольга рассказала о том, когда и как говорить с детьми о сексе. Сегодня большинство родителей понимает, что замалчивать тему секса и надеяться, что ребенок узнает всё самостоятельно — далеко не лучшая стратегия.

Таким образом, я предполагаю, что в полученной модели «семья» не проявилась как отдельная тема, так как семья как социальный институт, претендующий на власть над сексуальностью и знание о ней, в отношении детей оказывается «зашитой» именно в тему «Сексуальное воспитание», в том время как, например, «Школа» представляет собой отдельную тему, которая тем не менее имеет значимые корреляции с вопросами сексуального воспитания (корреляции отражены далее на рис. 2).

Также темами, которые с наибольшей вероятностью встречаются в сообщениях о сексуальном образовании, являются «Индивидуальные стратегии» и «Репродуктивное здоровье и воспроизводство нации». Тема здоровья представляет отдельный интерес, обозначенные ниже фрагменты являют собой примеры сообщений с наибольшим содержанием этой темы согласно полученной модели. Во-первых, в этих сообщениях можно обнаружить медицинский дискурс, связанный с заболеваниями, передающимися половым путем:

СПИД РАСТЕТ!

По данным статистики в 2014 году по сравнению с 2013 частота ВИЧ-инфекции увеличилась. «Чемпионы» 2014 года — Пермский край, Свердловская, <...> Помимо асоциального поведения одной из причин вполне может быть неграмотность. Даже просто наивность населения. Дело в том, что в медицине редко что-то бывает на 100%.

Помимо дискурса о болезни, в данной теме встречается и дискурс о репродуктивном здоровье:

Как разорвать невеселый круг

Раннее начало половой жизни и неосведомленность о методах контрацепции увеличивают риск наступления нежелательной бере-

менности и приводят к росту у девочек-подростков и молодых женщин искусственных аборт. К такому неутешительному выводу пришли участники состоявшейся в агентстве «Татмедиа» пресс-конференции, посвященной вопросам репродуктивного здоровья молодежи.

Одновременно с этим в данной теме встречается и дискурс о воспроизводстве нации:

ВИНОВАТА МЕНТАЛЬНОСТЬ?

В Курске обсудили проблемы мужского здоровья <...>

Круглый стол, посвященный серьёзной проблеме, прошёл на площадке ОНФ. Увеличить рождаемость и снизить смертность — задача государственная, обозначенная в майском «суперуказе» президента. Но выполнить её, особенно в первой части, не так-то просто. Далеко не всем парам, при всём желании, удастся завести детей.

Итак, в теме «Репродуктивное здоровье и воспроизводство нации» переплетаются несколько дискурсов. Алгоритм структурно-тематического моделирования объединил их в одну тему, что говорит о том, что эти дискурсы тесно связаны между собой, появляются в текстах одновременно и представляют одну целостную тему. Медицина «сращивается» с пронационалистскими интересами государства.

Далее при помощи алгоритма иерархической кластеризации (Lancichinetti, Fortunato 2009) я посмотрела, какие значимые корреляции существуют между полученными темами, т.е. какие темы наиболее вероятно будут встречаться вместе в сообщениях о сексуальном образовании.

Граф, изображенный на рисунке 2, показывает сеть связей между темами и кластерами, которые они организуют между собой. На графе изображены не все темы, а лишь те, которые имеют значимые корреляции с другими темами. Таким образом, тема «Германия» не имеет значимой корреляции ни с одной другой. Дискурсивное поле сообщений о сексуальном образовании состоит из четырех кластеров. Справа располагается «легалитский» кластер — темы, связанные с правом и правоприменением (темы «Ювенальная юстиция», «Законы», «Преступления против несовершеннолетних»). Внизу находится кластер, который условно можно назвать «нарративы о приватности» (темы «Индивидуальные стратегии», «Секс», «Кино»), эти темы объединяются тем, что содержат в себе нарративы о жизни конкретного индивида.

В самом верху сети располагается «политический» кластер, который объединяет в себе как темы, связанные с регуляторным воздействием

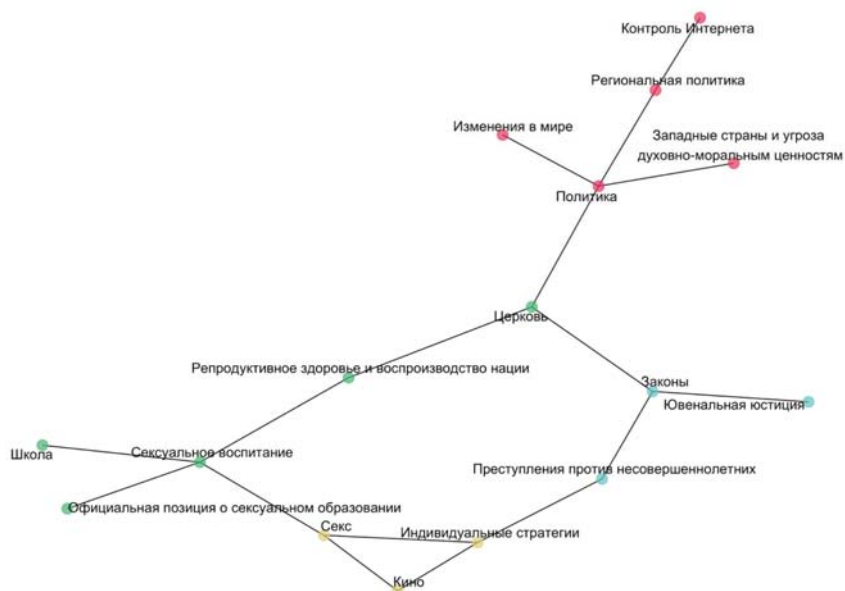

Рис. 2. Связи между темами

(«Контроль Интернета», «Политика», «Региональная политика»), так и темы «Изменения в мире» и «Западные страны и угроза духовно-моральным ценностям». Слева расположен кластер, наиболее тесно связанный с сексуальным образованием — он объединяет темы «Школа», «Половое воспитание», «Официальная позиция о сексуальном образовании»; через тему «Репродуктивное здоровье и воспроизводство нации» эти темы соединяются с темой «Церковь». Тема «Церковь», в свою очередь, занимает центральное место в сети — она представляет собой связующее звено между политическим и легалистским кластером. Кроме того, данный граф показывает, что тема «Церковь» чаще появляется в сообщениях о сексуальном образовании через упоминание репродуктивного здоровья и воспроизводства нации.

Структурно-тематическое моделирование позволяет проследить эффект ковариаты. Полученная модель показывает, в каких СМИ — федеральных либо нефедеральных, — больше вероятность встретить полученные темы.

Согласно графику, изображенному на рисунке 3, в федеральных СМИ большее внимание уделяется темам, связанным с семейной политикой, репродуктивным здоровьем и воспроизводством нации, а также суще-

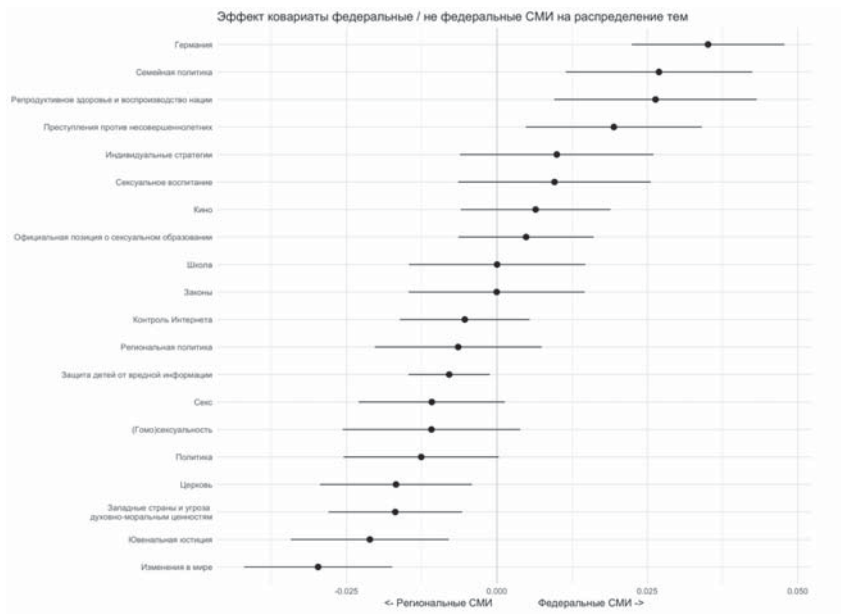

Рис. 3. Эффект ковариаты «федеральные/нефедеральные СМИ» на распределение тем

ственный эффект обнаруживает тема «Германия»*. Для региональных и местных СМИ наиболее типичны темы, связанные с ювенальной юстицией, церковью, изменениями в мире, защитой детей и страны в целом от различных угроз. Таким образом, эффект ковариаты позволяет сделать вывод о том, что если в наиболее крупных федеральных СМИ, транслирующих официальный дискурс и «нормализующих суждения», о сексуальном образовании чаще говорится в контексте специальных информационных поводов, как, например, в случае с темами «Германия» и «Преступления против несовершеннолетних». В то же время в менее крупных СМИ наиболее типичны сообщения, связанные с эмоционально нагруженными темами, такими как «угроза нации». Сообщения с преобладающей темой «Ювенальная юстиция» также являются достаточно эмоционально нагруженными.

* Тема появилась в модели из-за большого количества сообщений в СМИ, посвященных двум информационным поводам: немецкая семья эмигрировала в Россию, чтобы избежать уроков сексуального образования; та же семья вернулась обратно.

Таким образом, темы, которые находятся в одном кластере, могут быть наиболее типичны в источниках разного уровня, например «Ювенальная юстиция» в нефедеральных СМИ и «Преступления против несовершеннолетних» в федеральных. При этом если обратиться к рисунку 4, можно обнаружить, что в 2009 г. среди «легалистского» кластера преобладала тема «Законы», а в 2010–2012 гг. больше сообщений было посвящено именно «Ювенальной юстиции», затем в 2012 г. снова преобладают «Законы», в 2013 г. снова становится популярнее «Ювенальная юстиция», которая затем становится все менее популярной. Итак, если обратиться к примерам сообщений по этим темам, можно обнаружить, что тема «Законы» является более эмоционально нейтральной, в то время как «Ювенальная юстиция» говорит на эмоциональном языке моральных паник, например:

С 2005 г. в России развернута масштабнейшая информкампания по оклеветанию семьи и родительства.

Итак, «Ювенальная юстиция» как эмоционально нагруженная тема чаще встречается в не-федеральных СМИ (рис. 3) и имеет пики популярности в 2010–2012 и 2013 (рис. 4), в то время как «Законы» является более нейтральной тематической категорией и чаще встречается в наиболее крупных СМИ. Это наблюдение указывает на то, что как минимум в кластере «легалистских» тем более эмоциональные сообщения встречаются в менее крупных СМИ.

Далее я посмотрела в диахроническом срезе распределение сообщений, где доля каждой из тем является преобладающей. Тепловая карта, представленная на рисунке 4, представляет собой распределение тем по числу сообщений в зависимости от года. Темы разделены по кластерам, указанным выше.

Тепловая карта показывает, как менялась популярность той или иной темы. Таким образом, согласно этому графику, можно увидеть, что сообщения, где преобладающей темой является «Церковь», появляются не так часто, как, например, сообщения с преобладанием темы «Репродуктивное здоровье и воспроизводство нации».

Однако, как было показано на рисунке 2, «Церковь» имеет значимые связи с темами из других кластеров, а значит, даже если данная тема не так уж часто является преобладающей в сообщениях, религиозный (а если точнее, православный) дискурс встречается во многих контекстах.

Также согласно тепловой карте тема «(Гомо)сексуальность» была довольно популярной в 2013 — начале 2014 г. Это может быть связано с крупным информационным поводом — принятием Закона о «запрете

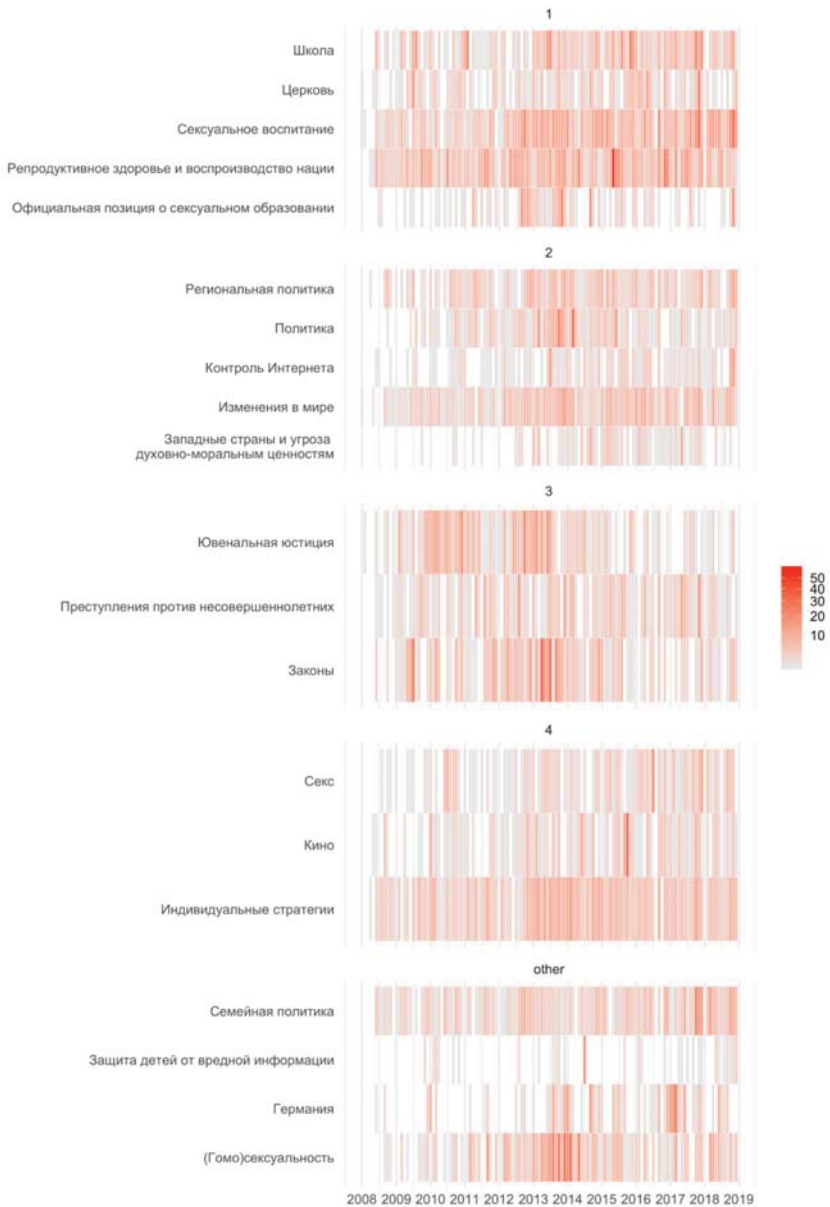

Рис. 4. Количество сообщений о сексуальном образовании по преобладающим темам

пропаганды гомосексуализма». Однако, несмотря на большое количество сообщений, где эта тема преобладает, данная «гетеронормативная» тема не присутствует на рисунке 2. Это означает, что у темы «(Гомо)сексуальность» нет значимых корреляций даже с кластером «приватных» тем (несмотря на то что там есть отдельная тема «Секс»). Таким образом, можно предположить, что о сексуальности говорится в контексте гетеро(не)нормативности именно в отношении скорее не приватной сферы, а сферы репрезентации.

Таким образом, согласно тепловой карте в 2013–2014 гг. о сексуальном образовании чаще говорилось в контексте обсуждения гомосексуальности, правового дискурса и обсуждения политических событий (тема «Политика»). В дальнейшем о сексуальном образовании стали чаще говорить в контексте передачи знаний о сексуальности («Сексуальное воспитание»), пронаталистских высказываний, а также в обсуждении вопросов школы как организации (тема «Школа») и преступлений против несовершеннолетних.

Заключение

Сексуальное образование в качестве институционализированных практик передачи знаний о сексуальности представляет собой предмет, за власть над которым и знание о котором конкурируют различные социальные институты. Контроль и претензия на контроль сексуальности осуществляются как на уровне повседневных практик, так и на уровне приватного и публичного дискурсов.

Сексуальное образование представляет собой компонент гендерного порядка, пересечение структур власти и катексиса. Принимая во внимание, что сексуальность конструируется социально, сексуальное образование представляет собой иллюстративный пример, когда контроль сексуальности и конструирование феномена сексуального образования является предметом конкуренции различных гендерных режимов, в том числе режимов сексуальности.

Изучение сообщений в российских СМИ позволяет увидеть дискурсивное поле высказываний о сексуальном образовании. Публичные дискуссии о сексуальном образовании позволяют понять, какие социальные институты в условиях трансформации режима сексуальности воспринимаются в качестве легитимного источника контроля над данной сферой, и на основе этого уточнить наши представления о российском гендерном порядке.

Проведенный анализ позволяет указать основные институты социального контроля, в контексте которых говорится о сексуальном образо-

вании: во-первых, это политические институты, связанные с регуляторным воздействием, во-вторых, это правовые институты, в-третьих, это семья, которая связывается с контекстом трансформации интимной жизни (тема «Сексуальное воспитание»), в-четвертых, это медицина, которая срачивается с пронаталистскими интересами и представляет собой иллюстрацию государственного неотрадиционализма, в-пятых, это церковь, которая в медиадискурсе является связующим звеном для медицины, политических и правовых институтов.

Среди тем, обнаруженных в результате структурно-тематического моделирования, нет отдельной темы, связанной с романтическим режимом сексуальности, где сексуальность и сексуальное образование понимались бы в контексте проявления любви. Также данный метод анализа не позволил выявить «либеральную оппозицию» — судя по наиболее типичным сообщениям в каждой теме, а также по наиболее частотным словам, полученные темы скорее вписываются в неотрадиционалистский дискурс. Вызывает затруднения интерпретация кластера тем, связанного с приватной жизнью — «Секс», «Кино» и «Индивидуальные стратегии»: можно предположить, что в сообщениях с этими преобладающими темами будет скрываться «либерализация» интимной жизни в приватной сфере. Однако для того чтобы делать подобные выводы, необходимо более детально проанализировать указанные тексты.

Результаты структурно-тематического моделирования хотя и позволяют сделать определенные предположения о модерности или неотрадиционализме дискурса о сексуальном образовании, тем не менее требуют проверки через более детальный «качественный» анализ сообщений. Метод не позволяет достаточно четко определить, какие категории могут использоваться «защитники» или «противники», однако безотносительно одобрения или порицания сексуального образования эти позиции будут проявляться в том дискурсивном поле, которое я обозначила в исследовании.

Тема «Школа» представляет собой репрезентацию социального института, в котором реализуется сексуальное образование в большинстве стран, где оно существует в институционализированном виде. Данная тема имеет значимые связи лишь с темой «Сексуальное воспитание», т.е. не существует значимой связи школы, например, ни с гомосексуальностью, ни с правовыми, ни с политическими институтами.

Если обращаться к диахроническому срезу сообщений о сексуальном образовании, то можно отметить, что существуют темы, популярность которых остается довольно стабильно высокой в 2010–2018 гг.: «Индивидуальные стратегии», «Изменения в мире», «Сексуальное воспитание»

и «Репродуктивное здоровье и воспроизводство нации». После 2013 г. тема «Школа» становится значительно более популярной.

Итак, дискуссия о сексуальном образовании, которую можно обнаружить в российских СМИ, указывает на то, что на протяжении всех лет наблюдения (2008–2018) основными социальными институтами, претендующими на контроль сексуальности, являются медицина (в пронаталистском государственном неотрадиционализме), политические институты, правовые инструменты контроля и церковь.

Литература

Бек У. (2000) *Общество риска. На пути к другому модерну*. М.: Прогресс-Традиция.

Гидденс Э. (2004) *Трансформации интимности*. СПб.: Питер.

Здравомыслова Е., Темкина А. (2002) Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе. *О муже (N) ственности*. Сб. ст. Сост. С. Ушакин. М.: Новое литературное обозрение: 432–451.

Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. (2003) Трансформация гендерного гражданства в современной России. *Куда пришла Россия? Итоги социетальной трансформации*. М.: МВШСЭН: 140–150.

Здравомыслова Е., Тёмкина А. (2004) От лицемерия к рационализации: дискурсивная трансформации в сфере сексуальных отношений. *Гендерные исследования*, 11: 176–186.

Здравомыслова Е., Темкина А. (ред.) (2007) *Российский гендерный порядок: социологический подход*. СПб.: Изд-во ЕУСПб.

Кон И. (1997) *Клубничка на березке. Сексуальная культура в России*. М.: ОГИ.

Кософски С.И. (2002) *Эпистемология чулана*. М.: Идея-пресс.

Муравьёва М.Г. (2014) Традиционные ценности и современные семьи: правовые подходы к традиции и модерну в современной России. *Журнал исследований социальной политики*, 12(4): 625–638.

Печерская Н.В. (2013) Перспективы российской семейной политики: приращение к традиции. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 16(4): 94–105.

Снарская О.О. (2009) Сексуальное образование как сфера производства гендерных различий и конструирования представления о «нации». *Здоровье и доверие: гендерный подход к репродуктивной медицине*, 18: 51–90.

Темкина А.А. (2009) Половое просвещение как моральное воспитание (позднесоветские курсы о сексуальности). *Здоровье и доверие: гендерный подход к репродуктивной медицине*, 18: 90–107.

Темкина А. (2009) Новый быт, сексуальная жизнь и гендерная революция. *Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности*.

Под ред. Е. Здравомысловой, А. Роткирх, А. Тёмкиной. СПб.: Изд-во ЕУСПб: 33–67.

Фуко М. (2011) *Безопасность, территория, население*. М.: Наука.

Beck U., Beck-Gernsheim E. (2018) *The normal chaos of love*. John Wiley & Sons.

Blei D.M., Ng A.Y., Jordan M.I. (2003) Latent dirichlet allocation. *Journal of Machine Learning Research*, 3: 993–1022.

Brooks F., Kendall S. (2013) Making sense of assets: what can an assets based approach offer public health? *Critical Public Health*, 23(2): 127–130.

Chervyakov V., Kon I. (2000) Sexual revolution in Russia and the tasks of sex education. In: Sandord T. (ed.) *AIDS in Europe: New Challenges for Social Sciences*. L.: Routledge: 119–134.

Connell R.W. (2013) *Gender and power: Society, the person and sexual politics*. John Wiley & Sons.

Foucault M. (1990) *The history of sexuality. Volume one: An introduction*. Vintage.

Jones T.M. (2011) Saving rhetorical children: Sexuality education discourses from conservative to post-modern. *Sex Education*, 11(4): 369–387.

Giddens A. (1984) *The constitution of society: Outline of the theory of structuration*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press.

Giddens A. (2013) *The transformation of intimacy: Sexuality, love and eroticism in modern societies*. N.Y.: John Wiley & Sons.

Hochschild A.R. (2012) *The outsourced self: What happens when we pay others to live our lives for us*. N.Y.: Metropolitan Books.

Illouz E. (1997) *Consuming the romantic utopia: Love and the cultural contradictions of capitalism*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press.

Ketting E., Ivanova O. (2018) *Sexuality Education in Europe and Central Asia-State of the Art and Recent Developments (an Overview of 25 Countries)*. Federal Centre for Health Education, BZgA and the International Planned Parenthood Federation European Network, IPPF EN. Cologne.

Kováts E., Póim M. (eds.) (2015) *Gender as symbolic glue*. Budapest: FEPS — Foundation for European Progressive Studies.

Kuhar R., Zobec A. (2017) The anti-gender movement in Europe and the educational process in public schools. *CEPS Journal*, 7(2): 29–46.

Makarychev A., Medvedev S. (2015) Biopolitics and power in Putin's Russia. *Problems of Post-communism*, 62(1): 45–54.

Makarychev A., Yatsyk A. (2014) A New Russian Conservatism: Domestic Roots and Repercussions for Europe. *Notes Internacionals CIDOB*, 93: 1–6.

Laclau E., Mouffe C. (2014) *Hegemony and socialist strategy: Towards a radical democratic politics*. L.; N.Y.: Verso.

Meylakhs P. (2011) Dangerous knowledge vs. dangerous ignorance: Risk narratives on sex education in the Russian press. *Health, Risk & Society*, 13(3): 239–254.

Parsons T. (1942) Age and sex in the social structure of the United States. *American sociological review*, 7: 604–616.

Østbø J. (2017) Securitizing “spiritual-moral values” in Russia. *Post-Soviet Affairs*, 33(3): 200–216.

Parker R., Wellings K., Lazarus J.V. (2009) Sexuality education in Europe: An overview of current policies. *Sex Education*, 9(3): 227–242.

Roberts M.E., Stewart B.M., Tingley D. (2014) stm: R package for structural topic models. *Journal of Statistical Software*, 10(2): 1–40.

Rotkirch A. (2000) *The man question*. Helsinki: University of Helsinki.

Sherstneva N., Murayeva M., Novikova N. (2014) Why are Children’s Rights so Dangerous? Interpreting Juvenile Justice in the Light of Conservative Mobilization in Russia. In: Murayeva M., Novikova N. (eds.) *Women’s History in Russia*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing.

Shchurko T. (2018) ‘Gender education’ in the post-Soviet Belarus: Between authoritarian power, neoliberal ideology, and democratic institutions. *Policy Futures in Education*, 16(4): 434–448.

Sperling V., Valerie S. (1999) *Organizing women in contemporary Russia: Engendering transition*. Cambridge: Cambridge University Press.

Stella F., Nartova N. (2015) Sexual citizenship, nationalism and biopolitics in Putin’s Russia. In: Stella F., Taylor Y., Reynolds T., Rogers A. (eds.) *Sexuality, Citizenship and Belonging: Trans-National and Intersectional Perspectives*. L.: Routledge: 24–42.

Temkina A., Zdravomyslova E. (2014) Gender’s crooked path: Feminism confronts Russian patriarchy. *Current Sociology*, 62(2): 253–270.

Wesslen R. (2018) Computer-assisted text analysis for social science: Topic models and beyond. *arXiv:1803.11045*.

UNESCO (2018) *International technical guidance on sexuality education: an evidence-informed approach*. UNESCO Publishing.

WHO Europe (2010) *Standards for Sexuality in Europe. A Framework for Policy Makers, Educational and Health Authorities and Specialists*. Cologne: WHO Europe and Federal Centre for Health Education BZgA.

Zdravomyslova E. (2001) Hypocritical sexuality of the late Soviet period: Sexual knowledge and sexual ignorance. In: Webber S., Liikanen I. (eds.) *Education and civic culture in Post-Communist countries*. L.: Palgrave Macmillan: 151–167.

Zimmerman J. (2016) *Too hot to handle: A global history of sex education*. Princeton: Princeton University Press.

Zola I.K. (1972) Medicine as an institution of social control. *The sociological review*, 20(4): 487–504.

Источники

Planned Parenthood [<https://www.plannedparenthood.org/learn/for-educators/what-sex-education>] (дата обращения: 27.06.2019).

Россия: школа не должна отвечать за половое воспитание подростков. В ООН не согласны [<https://news.un.org/ru/story/2019/04/1352351>] (дата обращения: 25.06.2019).

Федеральный Закон от 21 июля 2011 г. № 252-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию”».

PUBLIC STATEMENTS ABOUT SEX EDUCATION IN RUSSIAN MEDIA

Yulia Kuzmina (ykuzmina@eu.spb.ru)

European University at Saint Petersburg,
Saint Petersburg, Russia

Citation: Kuzmina Y. (2020) Publichnyye vyskazyvaniya o seksual'nom obrazovanii v rossiyskikh media [Public statements about sex education in Russian media]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 23(3): 122–152 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.3.6>

Abstract. This article aims to study public statements about sex education in Russia. Using data from Russian media for the years 2008–2018, it is examined how various institutions of social control are manifested in the interpretations of sex education and sexuality. Using structural-topic modeling, the author created clusters of topics that are most often found in reports on sex education. The analysis allows indicating the main institutions of social control, in the context of which sex education is mentioned: political institutions related to regulatory impact; legal institutions; a family that is associated with the context of the transformation of intimate life; medicine, which merges with pronatalistic interests and represents an illustration of state neotraditionalism; the church, which acts in the media discourse as a connecting link for medicine, political and legal institutions. Among the clusters of topics discovered, there is no distinct topic related to the romantic regime of sexuality, where sexuality and sex education would be understood in the context of the manifestation of love. The method of analysis did not reveal the “liberal opposition” of neotraditionalism — judging by the most typical messages in each topic, as well as by the most frequent words, the received topics are more likely to fit into neotraditionalist discourse.

Keywords: sex education, media discourse, gender order, regimes of sexuality, neotraditionalism, structural topic modeling.

References

Beck U. (2000) *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu* [Risk Society: Towards a New Modernity]. Moscow: Progress-Traditsiya (in Russian).

- Beck U., Beck-Gernsheim E. (2018) *The normal chaos of love*. John Wiley & Sons.
- Blei D.M., Ng A.Y., Jordan M.I. (2003) Latent dirichlet allocation. *Journal of Machine Learning Research*, 3: 993–1022.
- Brooks F., Kendall S. (2013) Making sense of assets: what can an assets based approach offer public health? *Critical Public Health*, 23(2): 127–130.
- Chervyakov V., Kon I. (2000) Sexual revolution in Russia and the tasks of sex education. In: Sandord T. (ed.) *AIDS in Europe: New Challenges for Social Sciences*. London: Routledge: 119–134.
- Connell R.W. (2013) *Gender and power: Society, the person and sexual politics*. New York: John Wiley & Sons.
- Foucault M. (1990) *The history of sexuality. Volume one: An introduction*. Vintage.
- Foucault M. (2011) Bezopasnost', territoriya, naseleniye [Security, territory, population]. Moscow: Nauka (in Russian).
- Giddens A. (1984) *The constitution of society: Outline of the theory of structuration*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press.
- Giddens A. (2004) *Transformatsii intimnosti* [The Transformation of Intimacy]. St. Petersburg: Piter (in Russian)
- Giddens A. (2013) *The transformation of intimacy: Sexuality, love and eroticism in modern societies*. New York: John Wiley & Sons.
- Hochschild A.R. (2012) *The outsourced self: What happens when we pay others to live our lives for us*. New York: Metropolitan Books.
- Illouz E. (1997) *Consuming the romantic utopia: Love and the cultural contradictions of capitalism*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press.
- Jones T.M. (2011) Saving rhetorical children: Sexuality education discourses from conservative to post-modern. *Sex Education*, 11(4): 369–387.
- Ketting E., Ivanova O. (2018) *Sexuality Education in Europe and Central Asia-State of the Art and Recent Developments (an Overview of 25 Countries)*. Federal Centre for Health Education, BZgA and the International Planned Parenthood Federation European Network, IPPF EN. Cologne.
- Kon I. (1997) *Klubnichka na berozke. Seksual'naya kul'tura v Rossii* [Strawberry on Birch. Sexual Culture in Russia]. Moscow: OGI (in Russian).
- Kosofski S.I. (2002) *Epistemologiya chulana* [Epistemology of the Closet]. Moscow: Idea-press (in Russian).
- Kováts E., Pöim M. (eds.) (2015) *Gender as symbolic glue*. Budapest: FEPS — Foundation for European Progressive Studies.
- Kuhar R., Zobec A. (2017) The anti-gender movement in Europe and the educational process in public schools. *CEPS Journal*, 7(2): 29–46.
- Laclau E., Mouffe C. (2014) *Hegemony and socialist strategy: Towards a radical democratic politics*. London; New York: Verso.
- Makarychev A., Medvedev S. (2015) Biopolitics and power in Putin's Russia. *Problems of Post-communism*, 62(1): 45–54.
- Makarychev A., Yatsyk A. (2014) A New Russian Conservatism: Domestic Roots and Repercussions for Europe. *Notes Internacionals CIDOB*, 93: 1–6.
- Meylakhs P. (2011) Dangerous knowledge vs. dangerous ignorance: Risk narratives on sex education in the Russian press. *Health, Risk & Society*, 13(3): 239–254.

Muravyeva M. (2014) Traditional values and modern families: legal understanding of tradition and modernity in contemporary Russia. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 12(4): 625–638 (in Russian).

Østbø J. (2017) Securitizing “spiritual-moral values” in Russia. *Post-Soviet Affairs*, 33(3): 200–216.

Parker R., Wellings K., Lazarus J.V. (2009) Sexuality education in Europe: An overview of current policies. *Sex Education*, 9(3): 227–242.

Parsons T. (1942) Age and sex in the social structure of the United States. *American sociological review*, 7: 604–616.

Pecherskaya N.V. (2013) Perspektivy rossiiskoy semeynoy politiki: prinuzhdenie k traditsii [Perspectives of Russian family policy: coercion to tradition]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 16(4): 94–105 (in Russian)

Roberts M.E., Stewart B.M., Tingley D. (2014) stm: R package for structural topic models. *Journal of Statistical Software*, 10(2): 1–40.

Rotkirch A. (2000) *The man question*. Helsinki: University of Helsinki.

Shchurko T. (2018) ‘Gender education’ in the post-Soviet Belarus: Between authoritarian power, neoliberal ideology, and democratic institutions. *Policy Futures in Education*, 16(4): 434–448.

Sherstneva N., Murayeva M., Novikova N. (2014) Why are Children’s Rights so Dangerous? Interpreting Juvenile Justice in the Light of Conservative Mobilization in Russia. In: Murayeva M., Novikova N. (eds.) *Women’s History in Russia*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing.

Snarskaya O.O. (2009) Seksual’noe obrazovanie kak sfera proizvodstva gendernykh razlichii i konstruirovaniya predstavleniya o natsii [Sex education as a sphere of production of gender differences and construction of the idea of the nation]. *Zdorovie i doverie: gendernyy podkhod k reproductivnoi medicine* [Health and Trust: A Gender Approach to Reproductive Medicine], 18: 51–90 (in Russian).

Sperling V., Valerie S. (1999) *Organizing women in contemporary Russia: Engendering transition*. Cambridge: Cambridge University Press.

Stella F., Nartova N. (2015) Sexual citizenship, nationalism and biopolitics in Putin’s Russia. In: Stella F., Taylor Y., Reynolds T., Rogers A. (eds.) *Sexuality, Citizenship and Belonging: Trans-National and Intersectional Perspectives*. London: Routledge: 24–42.

Temkina A., Zdravomyslova E. (2014) Gender’s crooked path: Feminism confronts Russian patriarchy. *Current Sociology*, 62(2): 253–270.

Temkina A. (2009) Novyy Byt, seksual’naya zhizn’ i gendernaya revolyutsia [New way of life, sexual life and gender revolution]. In: Zdravomyslova E., Rotkirch A., Tomkina A. (eds.) *Novyy byt v sovremennoy Rossii: gendernyye issledovaniya povsednevnosti* [New way of life in modern Russia: gender studies of everyday life]. St. Petersburg: Izd-vo EUSPb: 33–67 (in Russian).

Temkina A.A. (2009) Polovoe prosvetshenie kak moral’noe vospitanie (pozdneysovetskiye diskursy o seksual’nosti) [Sex education as moral education (late-Soviet discourses of sexuality)]. *Zdorovie i doverie: gendernyy podkhod k reproductivnoi medicine* [Health and Trust: A Gender Approach to Reproductive Medicine], 18: 90–107 (in Russian).

UNESCO (2018) *International technical guidance on sexuality education: an evidence-informed approach*. UNESCO Publishing.

Wesslen R. (2018) Computer-assisted text analysis for social science: Topic models and beyond. *arXiv:1803.11045*.

WHO Europe (2010) *Standards for Sexuality in Europe. A Framework for Policy Makers, Educational and Health Authorities and Specialists*. Cologne: WHO Europe and Federal Centre for Health Education BZgA.

Zdravomyslova E. (2001) Hypocritical sexuality of the late Soviet period: Sexual knowledge and sexual ignorance. In: Webber S., Liikanen I. (eds.) *Education and civic culture in Post-Communist countries*. London: Palgrave Macmillan: 151–167.

Zdravomyslova E., Temkina A. (2002) Krisis maskulinnosti v pozdnesovetskom diskurse [Masculinity crisis in the Post-Soviet discourse]. In: Ushakin S. (ed.) *O muzhe(N) stvennosti*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie: 432–451 (in Russian).

Zdravomyslova E., Temkina A. (2003) Transformatsia gendernogo grazhdanstva v sovremennoi Rossii [Transformation of gender citizenship in modern Russia]. *Kuda prishla Rossiya? Itogi sotsiyetal'noy transformatsii* [Where has Russia come? Outcomes of societal transformation]. Moscow: MSSS: 140–150 (in Russian).

Zdravomyslova E., Temkina A. (2004) Ot litsemierii k regionalizatsii: diskursivnaya transformatsiia v sfere seksual'nykh otnosheniy [From hypocrisy to rationalization: discursive transformation in the sphere of sexual relations]. *Gendernyye issledovaniya* [Gender Studies], 11, 176–186 (in Russian).

Zdravomyslova E., Temkina A. (2007) *Rossiyskiy gendernyy poryadok: sociologicheskyy podkhod* [Russian gender order: sociological approach]. St. Petersburg: Izd-vo EUSPb (in Russian).

Zimmerman J. (2016) *Too hot to handle: A global history of sex education*. Princeton: Princeton University Press.

Zola I.K. (1972) Medicine as an institution of social control. *The sociological review*, 20(4): 487–504.